
ЗЛОЙ
КОРОЛЬ
18+
АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *NEW YORK TIMES*
ХОЛЛИ БЛЭК

Холли Блэк

Злой король

Серия «Young Adult. Бестселлер Холли Блэк. Воздушный народ», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74705251
Блэк Холли. Воздушный народ. Злой король: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-257128-2

Аннотация

Долгожданное продолжение международного бестселлера и бестселлера New York Times «Жестокий принц». Одна из самых ожидаемых книг 2019 года! Неповторимая история о смертной девушке, которая благодаря своему упорству, хитрости и коварству, поднялась на трон мира фейри!

Джуд связала Кардана обещанием подчиняться ей, обещанием, которое продлится ровно год и один день. Теперь она главная фигура за троном, которая дергает за ниточки и умело манипулирует королем. Но Джуд ввязалась в опасную игру фейри, не имея ни друзей, ни союзников. Подстегиваемая амбициями и целью выжить во что бы то ни стало, она плетет интриги и наносит молниеносные удары. Однако когда Джуд выясняет, что среди тех, кому она безоговорочно доверяла, появился предатель, а ее близким грозит опасность, ей приходится предпринять важный

шаг и возможно даже изменить все правила игры. Тем более что Кардан оказался вовсе не таким слабым и безвольным королем, как думали все обитатели Фейриленда…

Содержание

Книга 1 6
Пролог 6
Глава 1 14
Глава 2 33
Глава 3 44
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Холли Блэк
Воздушный народ
Злой король

Holly Black
The Wicked King
© 2018 by Holly Black
© Самуйлов С., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Келли Линк, которая любит океан

Книга 1

«И так скажи, я отвергаю
Его наветы и бесславье
И как смертельному врагу
Всегласно объявляю,
Что, коли б мне судить,
Не нес бы он венца
Владыки Фейри и,
Мщенья заслуживши,
Не звался б нашим королем».

Майкл Дрейтон, «Нимфидия»

Пролог

Подняв тяжелый учебный меч, Джуд встала в первую боевую позицию – готовности.

«Привыкай держать на весу, – наставлял Мадок. – Ты должна быть достаточно сильной, чтобы бить, бить и бить без устали. Первый урок заключается в том, чтобы обрести такую силу. Это больно, но боль сделает тебя сильной».

Таким был первый урок, который он преподал после того, как убил ее родителей мечом, весьма схожим с тем, который она держала сейчас. Джуд тогда исполнилось семь лет – совсем еще ребенок. Теперь ей было девять, она жила в Фей-

риленде, и все переменилось.

Джуд уперлась ногами в землю. Плавный переход из одной стойки в другую, только ветер ерошил волосы. Первая позиция: меч вперед с наклоном в сторону для защиты тела. Вторая: эфес поднят высоко, клинок напоминает рог, идущий ото лба. Третья: рукоять к бедру, клинок обманчиво небрежно опущен вниз по направлению к противнику. И наконец, четвертая: рукоять снова вверх, к плечу. Каждая позиция позволяет легко перейти в атаку или защиту. Фехтование – те же шахматы. Задача: предугадать ход противника и выставить блок, прежде чем тебя достанет сталь.

Но в эти шахматы играют всем телом. После такой партии остаются синяки, усталость, недовольство всем миром и собой.

А еще фехтование можно сравнить с ездой на велосипеде. Сколько раз она падала, учась кататься еще там, в настоящем мире. Постоянно сбитые, в струпьях коленки; мама даже опасалась, что шрамы останутся на всю жизнь. Но Джуд сама снимала боковые колесики с велосипеда, с презрением отвергая безопасную езду по тротуару, в отличие от Тарин. Ей хотелось носиться по улицам так же быстро, как Виви, а если в рану попадал мелкий камешек – что ж, тогда папа вытаскивал его вечером пинцетом.

Джуд тосковала по своему велосипеду, но в Фейриленде их не было. Вместо велосипеда у нее появились гигантские жабы, хрупкие зеленоватые пони и стройные, быстрые, как

тени, кони с дикими глазами.

А еще оружие.

Убийца родителей стал их приемным отцом. Генерал Верховного Короля Мадок хотел научить ее носиться верхом и биться насмерть.

Какие бы удары ни обрушивала она на него, он только хохотал. Ему нравилась ее злость. «Огонь!» – так он ее называл.

Она нравилась себе такая, злая. Злость лучше, чем страх. Лучше злиться, чем постоянно помнить, что ты – смертная среди чудовищ. Да и боковые колесики никто больше не предлагал.

На другом краю площадки Тарин под руководством Мадока отрабатывала переходы из позиции в позицию. Сестра, как и Джуд, тоже училась искусству боя, но уязвимые места у нее были другие. Стойки у Тарин получались лучше, но спарринг, тренировочный бой, она терпеть не могла. И в защите, и в нападении она действовала одинаково предсказуемо, ничего не стоило втянуть ее в обмен ударами и поймать неожиданным приемом. И всякий раз, когда такое случалось, Тарин выходила из себя, словно Джуд не победила, а неверным шагом испортила плавное течение танца.

– Поди сюда, – позвал Мадок с другого края серебристой лужайки.

Положив меч на плечо, она направилась к нему. Солнце уже садилось, но фейри – сумеречные существа, их день и

середину не прошел. Небо исчертили медные и золотые полосы. Джуд глубоко вдохнула воздух, напоенный ароматом сосновых иголок, и на мгновение почувствовала себя обычной девочкой, постигающей основы нового вида спорта.

– Устроим бой, – сказал Мадок, когда Джуд подошла поближе. – Вы обе, девочки, против этой вот старой красной шапки. – Тарин оперлась на меч, и острие клинка ушло в землю. Держать оружие так считалось вредным для стали, но Мадок воздержался от замечания.

– Власть, – сказал он, – власть означает возможность получить, что пожелаешь. Власть означает возможность стать тем, кто принимает решения. А как мы получаем власть?

Джуд встала рядом с сестрой-близняшкой. Было ясно, что Мадок ожидает ответа, но также ясно, что ответа он ждал неверного.

– Мы учимся хорошо драться? – сказала она, чтобы хоть что-нибудь сказать.

Мадок улыбнулся, и Джуд увидела кончики нижних клыков: они были длиннее остальных зубов. Генерал потрепал ее по голове, и она ощутила его острые когти; касание было слишком легкое и не причинило боли, но напомнило, кто он такой.

– Мы получаем власть, забирая ее.

Он показал на невысокий холм с боярышником:

– Давайте следующий урок превратим в игру. Это мой холм. Ступайте и займите его.

Тарин послушно потопала к пригорку, Джуд потянулась следом. Мадок тоже не спешил, только скалил в ухмылке зубы.

– Что дальше? – без особого энтузиазма спросила Тарин.

Мадок задумчиво, словно прикидывая возможные правила игры, посмотрел вдаль.

– А теперь удерживайте его, защищайте.

– Подожди, как это? – спросила Джуд. – Защищать от тебя?

– Это игра-стратегия или тренировочный бой? – хмурясь, поинтересовалась Тарин.

Одним пальцем Мадок приподнял ей подбородок, чтобы Тарин посмотрела вверх, в его золотистые кошачьи глаза.

– А что такое спарринг, как не игра-стратегия в быстром темпе? – спросил он серьезно. – Поговори с сестрой. Когда солнце коснется ствола вон того дерева, я приду биться за свой холм. Свалите меня с ног хотя бы раз – значит, выиграли.

И с этими словами он удалился в ближайшую рощицу. Тарин села на траву.

– Я не хочу.

– Это всего лишь игра, – раздраженно бросила Джуд.

Сестра посмотрела на нее долгим взглядом – так они смотрели друг на друга, когда одна из них делала вид, будто все идет нормально.

– Ладно, и что, по-твоему, нам делать? Джуд посмотрела

вверх, на ветки боярышника.

– Что, если одна из нас будет бросать в него камни, а другая вступит в бой?

– Хорошо, – ответила Тарин и, порывисто поднявшись, начала собирать камни в подол юбки. – Как думаешь, он не рассердится?

Джуд покачала головой, но вопрос поняла. А вдруг они случайно убьют Мадока?

«Сам выбирай, на каком холме умирать», – часто говорила мама папе, и это было одно из тех странных выражений, которые, по мнению взрослых, они, дети, должны понимать. Причем некоторые поговорки совсем не имели смысла – например: «Лучше один в руках, чем два в кустах» или «У каждой палки два конца», не говоря о вовсе уж загадочной: «Кошка может посмотреть на короля». Теперь, стоя на холме с мечом в руке, Джуд понимала эти высказывания лучше.

– Занимай позицию, – скомандовала она, и Тарин, не теряя время, вскарабкалась на дерево. Джуд посмотрела на солнце, гадая, к каким уловкам прибегнет Мадок. Будет ли тянуть время, дожидаться, пока стемнеет, ведь он во тьме видит, а они с Тарин – нет.

Но, как оказалось, Мадок и не собирался хитрить. Появившись из-за деревьев, он двинулся в их направлении, завывая и рыча так, словно командовал отрядом в сотню воинов. От ужаса у Джуд подогнулись коленки.

«Это всего лишь игра», – лихорадочно напомнила она се-

бе. Но чем ближе подходил Мадок, тем меньше верило ей тело. Животный инстинкт подсказывал, что надо бежать.

Таким громадным предстал противник, такими маленькими казались девочки и таким сильным был ее собственный страх, что весь их план выглядел теперь жалким и глупым. Она подумала о матери, истекавшей кровью на полу, вспомнила запах ее вывалившихся из живота внутренностей. Воспоминания отдались в голове ударами грома. Ей суждено умереть.

Беги! – требовало тело. БЕГИ!

Нет. Мама пробовала убежать. Джуд уперлась ногами в землю.

Она заставила себя встать в первую позицию, хотя колени и тряслись. Даже поднимаясь снизу, Мадок имел преимущество, потому что перемещался стремительно, сохраняя импульс движения. Посыпавшиеся дождем камни лишь слегка замедлили его натиск.

От первого удара Джуд увернулась, даже не попытавшись его блокировать. Спрятавшись за дерево, избежала второго и третьего. Четвертый поверг ее на землю.

Закрыв глаза, она ждала смертельного удара.

– Можно забрать вещь, когда никто не видит. Но сохранить ее и отстоять, даже имея на своей стороне преимущество, – нелегкая задача, – смеясь, сказал Мадок. Джуд открыла глаза и увидела, что он протягивает ей руку. – Власть гораздо легче взять, чем удержать.

С груди как будто скатился тяжелый камень. В конце концов, это была всего лишь игра. Всего лишь еще один урок.

– Так нечестно, – пожаловалась Тарин.

Джуд ничего не сказала. В Фейриленде нечестно все. И она научилась не ждать справедливости и не обманывать себя ожиданиями.

Мадок поднял Джуд на ноги и положил тяжелую руку ей на плечо. Притянул к себе Тарин и заключил обеих девочек в объятия. От него пахло дымом и засохшей кровью, и Джуд поймала себя на том, что льнет к нему. Приятно, когда тебя обнимают. Даже если это делает чудовище.

Глава 1

Новый Верховный Король Фейриленда развалился на троне – корона беспечно сдвинута набок, накинутая на плечи длинная, кричащая алая мантия спадает до пола. На заостренном кончике уха сверкает серьга. Пальцы унизаны тяжелыми блестящими кольцами. Но прежде всего в глаза бросается безвольный, капризный, выражающий недовольство рот.

Из-за этого король выглядит полным ничтожеством, каковым и является на самом деле.

Я стою сбоку от него, на почетном месте сенешаля. Мое официальное положение – доверенный советник Верховного Короля Кардана, и мне приходится играть эту роль, а не свою истинную – серого кардинала, способного привести короля

к повиновению, если ему вдруг вздумается мне перечить.

Обводя взглядом толпу, высматриваю шпиона из Двора теней. Перехваченное только что сообщение из Башни забвения, где заключен брат Кардана, несут сейчас мне, а не предполагаемому получателю.

И это только самая последняя проблема.

Прошло пять месяцев с тех пор, как я вынудила Кардана занять престол Эльфхейма в качестве моего марионеточного короля, пять месяцев, как я предала семью, а моя сестра забрала нашего братишку в мир смертных, подальше от короны, которую он мог бы надеть. И пять месяцев с того дня, когда я скрестила мечи с Мадоком.

Уже пять месяцев мне не удается поспать больше, чем несколько часов подряд.

Тогда это выглядело хорошей сделкой, сделкой в духе фейри: посадить на трон того, кто терпеть меня не может, чтобы отвести опасность от Оука. Я обманом вынудила Кардана дать обещание, что он будет служить мне год и один день, и просто опьянела от успешного исполнения собственного замысла. Тогда год и один день казались целой вечностью. Но теперь нужно придумать, как удержать его под моей властью – и уберечься от неприятностей – на больший срок. Срок достаточный, чтобы дать Оуку шанс на то, чего лишили меня: детство.

Сегодня мне кажется, что год и один день – это вообще не время.

И хотя Кардан взошел на трон благодаря моим интригам и остается на нем благодаря моим махинациям, я невольно нервничаю, видя, как комфортно он чувствует себя на этом месте.

Правители фейри привязаны к стране. Они – источник ее жизненной силы, ее живое, бьющееся сердце в некоем мистическом, не до конца понятном мне смысле. Но Кардан определенно не таков. Его призвание – оставаться бездельником, а не заниматься реальными делами управления.

Обязанности его по большей части состоят в том, что он позволяет подданным лобызать свои унизанные кольцами руки и выслушивает ходатайства народа. Уверена, это то, что ему и нравится: знаки внимания, поклоны, расшаркивания. И, естественно, вино. Он то и дело требует, чтобы его инкрустированный кабошонами кубок наполнили бледно-зеленым ликером. У меня от одного только его запаха кружится голова.

В минуту затишья Кардан смотрит на меня снизу вверх, вскинув черную бровь.

– Наслаждаешься?

– В меньшей степени, чем ты, – отвечаю я.

Как бы он ни третировал меня в школе, то чувство – чахнущий огонек оплывшей свечи по сравнению с обжигающей ненавистью, которую он испытывает ко мне сейчас. Губы кривятся в улыбке. В глазах загораются злобные огоньки.

– Посмотри на них всех, на своих подданных. Какая доса-

да, что они не знают, кто правит ими на самом деле.

От этих слов у меня вспыхивает лицо. Кардан обладает даром – нанести оскорбление, замаскировав под комплимент; оно ранит тем больнее, чем сильнее искушение принять его за чистую монету.

На скольких празднествах я побывала, оставаясь незамеченной! Теперь меня видят все – озаренную пламенем свечей, в одном из трех почти одинаковых черных камзолов, которые я надеваю по вечерам, с мечом по имени Закат на боку. Они кружатся в танце, распевают свои песни, пьют золотистое вино, отгадывают загадки и сыплют проклятиями, а я смотрю на них с высоты королевского трона. Они прекрасны и ужасны, они могут презирать меня как смертную, насмехаться надо мной, но здесь, наверху, – я, а не они.

Наверно, это мало чем отличается от игры в прятки. Прятаться ведь можно и на виду у всех, на открытом месте. Но не могу отрицать, что испытываю удовольствие и даже получаю дозу наслаждения всякий раз, когда думаю о своей власти. Хотелось бы только, чтобы Кардан не догадывался об этом.

Где-то там, если присмотреться получше, моя сестричка-близняшка Тарин танцует с Локком, своим нареченным. С тем самым Локком, который, как мне думалось, может быть, любил меня. С тем самым Локком, которого, как мне думалось, и я могла бы полюбить. Хотя не хватает мне именно Тарин. В такие, как сегодня, вечера я часто представляю, как спрыгиваю с возвышения, иду к ней и пытаюсь объяс-

нить свой выбор.

До ее свадьбы всего три недели, а мы так до сих пор и не поговорили.

Твержу себе, что она должна первая ко мне прийти. Она ведь обманула меня с Локком. До сих пор чувствую себя дурой, стоит только взглянуть на них двоих. Если не захочет извиняться, то пусть по крайней мере сделает вид, что извиняться не за что. Я бы даже это приняла. Но я ни за что не подойду к ней первая. Не стану просить.

Она танцует, а я слежу за ней глазами.

Поисками Мадока я себя не утруждаю. Его любовь – часть той цены, которую мне пришлось заплатить за свое нынешнее положение.

Низенький высохший фейри с облаком серебряных волос на голове и в алом плаще преклоняет колени перед тронным возвышением и ждет, пока его признают. Манжеты расшиты камнями, а у заколки в форме мотылька, которой застегнут плащ, трепещут крылья. Несмотря на льстивую позу, взгляд у него алчный.

Рядом с ним два бледных фейри из народа холмов; у них длинные руки и ноги, а волосы развеваются за спиной, хотя ветра в зале нет. Пьяный или трезвый, но теперь Кардан – Верховный Король и должен оказывать благодеяния, а также выслушивать подданных, которые попросят его решить проблему, какой бы мелкой она ни была. Не представляю, что кто-то решится вручить ему свою судьбу, но фейри полны

причуд.

К счастью, я рядом и могу нашептывать ему советы, как и любой сенешаль. Разница в том, что меня ему приходится слушаться. А если в ответ Кардан шепнет какую-то гадость – что ж, по крайней мере он не произнесет ее в полный голос.

Конечно, встает вопрос, достойна ли я такой власти. «Не буду творить мерзости и злодеяния ради собственного развлечения, – твердо говорю себе. – Только если они оправданны».

– Ага, – говорит Кардан, наклоняясь с трона, так что корона сползает на брови. Он делает добрый глоток вина и с улыбкой смотрит вниз, на трех просителей. – Должно быть, дело весьма серьезно, раз вы решились предстать перед Верховным Королем.

– Ты, верно, обо мне предания слышал, – отвечает маленький фейри. – Я изготовил корону, что лежит на твоей голове. Меня зовут Гримсен Кузнец, и я провел много лет в изгнании вместе с Алдеркингом. Теперь его кости упокоились, и в Фейрфолде новый Алдеркинг, как и здесь новый Верховный Король.

– Северин, – подсказываю я.

Кузнец смотрит на меня, явно удивленный, что я посмела заговорить. Потом снова переводит взгляд на Верховного Короля:

– Прошу твоего разрешения вернуться к Верховному Двору.

– Так тебя тоже изгнали? Или ты сам решил уехать?

Я припоминаю то немногое, что Кардан рассказывал мне про Северина. Гримсена он не упоминал. Конечно, я про него слышала. Он был кузнецом, который изготовил Кровавую корону для Мэб и вплел в нее заклятия. Говорили, он может сделать из металла что угодно, даже живых тварей – летающих птиц, ползающих и жалящих змей. Он выковал два меча-близнеца, нареченных Искателем и Заклятым; первый не знал промаха, а второй разрубал любую вещь на своем пути. К сожалению, он сделал их для Алдеркинга.

– Я присягнул, что буду служить ему, – объяснил Гримсен, – и когда Алдеркинг отправился в изгнание, был вынужден последовать за ним, а посему и сам впал в немилость. И хотя в Фейрфолде я делал для него только безделушки, твой отец продолжал считать меня его сторонником. Теперь, когда оба они мертвы, я молю об изволении выделить мне место здесь, при твоем дворе. Сними с меня опалу, и моя верность будет равна твоей мудрости.

Всматриваясь в маленького кузнеца, внезапно понимаю, что он играет словами. Но с какой целью? Просьба вроде бы искренняя, и если его смирение таковым не выглядит, то, возможно, из-за сопутствующей старику громкой славы.

– Очень хорошо, – говорит Кардан, с виду довольный, что может легко удовлетворить прошение. – Твое изгнание закончено. Принеси мне присягу, и добро пожаловать к Верховному Двору.

Гримсен низко кланяется, лицо его – сцена для смятенных чувств.

– Благородный король, требование твое совершенно естественно и разумно, но я, твой слуга, уже пострадавший от подобной присяги, зарекся не приносить ее снова. Позволь доказать свою верность делами, но не связывай меня клятвами.

Кладу ладонь на руку Кардана, собираясь предостерегающе пожать ее, но он стряхивает мои пальцы. Еще можно что-то сказать, и он, в силу данного слова, вынужден будет повиноваться, по крайней мере не противоречить мне, но я не знаю, что сказать. Заполучить кузнеца, который станет ковать для Эльфхейма, – дело немалое. Возможно, оно даже стоит присяги.

И все-таки взгляд Гримсена чуть-чуть более самодовольный и самоуверенный, чем следовало бы. Подозреваю, дело нечисто, но сложить головоломку не успеваю – Кардан начинает говорить:

– Принимаю твое условие, и вот тебе знак моего расположения: на окраине дворцового поместья есть старое строение с кузницей. Получишь его и столько металла, сколько тебе потребуется. Мне не терпится увидеть, что ты для нас изготовишь.

Гримсен снова низко кланяется:

– Твоя доброта не будет забыта.

Мне это не нравится, но, может быть, я слишком осто-

рожничаю. Вероятно, из-за того, что сам кузнец мне не понравился. Времени на размышления не остается, потому что почти сразу появляется следующая просительница – ведьма, старая и настолько могущественная, что из-за ее колдовской силы в воздухе словно потрескивает. Пальцы тонкие и узловатые, как прутья, волосы цвета дыма, а нос напоминает лезвие косы. Вокруг горла каменное ожерелье, на каждой бусине – манящие глаз завитушки. Тяжелые одежды при ходьбе колышутся, и я замечаю когтистые, как у хищной птицы, лапы вместо ступней.

– Королек, – каркает ведьма, – Матушка Мэрроу принесла тебе подарки.

– От тебя мне требуется только верность, – беспечно отвечает Кардан. – Пока.

– О, конечно, я присягаю короне, – говорит старуха, лезет в один из карманов и достает кусок ткани, который выглядит чернее ночного неба, настолько черным, что, кажется, поглощает весь разливающийся вокруг свет. Ткань скользит по руке ведьмы. – Но я проделала весь этот путь, чтобы сделать тебе редкий подарок.

Воздушный народ не любит оказываться в долгу, поэтому предпочитает отделываться от дарителя не только словами благодарности. Дай им овсяную лепешку, и они целую комнату зерном завалят, отплатив долг с лихвой и переложив его на вас. И все же Верховный Король постоянно принимает подношения – золото, посуду, мечи с именами. Но обычно

мы не называем эти вещи подарками. Или дарами.

Как понимать ее? Не знаю.

А ведьма продолжает, мурлыча:

– Мы с дочкой соткали ее из паутины и ночных кошмаров. Наряд, пошитый из этой ткани, отразит любой острый клинок, а для кожи будет мягким, как тень.

Кардан хмурится, но взгляд его снова и снова возвращается к замечательной ткани.

– Соглашусь, что раньше я подобного не видел.

– Значит, ты принимаешь то, что я приготовила для тебя? – спрашивает ведьма с хитрым блеском в глазах. – Я старше твоих отца с матерью. Старше, чем камни этого дворца. Я стара, как кости этой земли. Хоть ты и Верховный Король, Матушка Мэрроу услышит твое слово.

Кардан щурит глаза. Ведьма ему надоела, я это вижу.

В предложении ведьмы таится уловка, и на этот раз я знаю, в чем дело. Не позволяя Кардану ответить, беру слово сама:

– Ты сказала, что принесла подарки, а показала нам только эту чудесную ткань. Уверена, корона рада будет получить такую вещь, если только это не налагает на нее обязательств.

Взгляд ведьмы останавливается на мне, мрачный и холодный, как сама ночь.

– А ты кто такая, чтобы говорить вместо Верховного Короля?

– Я его сенешаль, Матушка Мэрроу.

– И ты позволяешь этой смертной девчонке отвечать вме-

сто себя? – спрашивает старуха у Кардана.

Он переводит взгляд на меня и смотрит так высокомерно, так снисходительно, что у меня лицо заливается румянцем. А он все смотрит, кривя губы.

– Приходится, – наконец отвечает он ведьме. – Она забавляется, охраняя меня от неприятностей.

Прикусываю язык, а он обращает безмятежное, благодушное лицо к Матушке Мэрроу.

– Она достаточно умна, – произносит ведьма, выплевывая слова, как ругательства. – Ну хорошо. Ткань твоя, Твое Величество. Дарю, не налагая обязательств. Дарю только это и больше ничего.

Кардан наклоняется к ней, заговорщически подмигивая:

– О, прошу, расскажи мне про остальное. Я так люблю обманы и ловушки. Даже те, в которые сам едва не угодил.

Матушка Мэрроу перетаптывается с одной когтистой лапы на другую, впервые за всю аудиенцию выдавая свое волнение. Гнев Верховного Короля опасен даже ведьме, старой, как кости земли.

– Ладно. Если бы ты принял все, что я для тебя приготовила, то оказался бы под заклятием, позволяющим тебе жениться только на ткачихе, изготовившей эту ткань, то есть на мне или моей дочери.

При мысли о том, что могло случиться, меня пробирает холодная дрожь. Возможно ли принудить Верховного Короля фейри к подобной женитьбе? Наверняка есть обходные

пути. Думаю о последнем Верховном Короле – он не был женат ни разу.

Правители Фейриленда обычно не женятся, потому что, став однажды королем, королем и остаются – до самой смерти или отречения. Среди простонародья и джентри браки заключаются так, чтобы их можно было расторгнуть не как у смертных – «пока смерть не разлучит нас». Фейри включают в свои брачные обеты такие оговорки, как «пока вы оба не отринете друг друга» или «на протяжении всей жизни», дальновидно не уточняя чьей. Но дело в том, что брачный союз короля или королевы разрушен быть не может.

Если бы Кардан женился, мне, чтобы посадить Оука на трон, пришлось бы не только его сгонять с трона, но и избавляться от супруги.

Кардан приподнимает бровь, изображая святую невинность:

– Миледи, вы мне льстите. Я и подумать не мог, что вы в подобном заинтересованы.

Взгляд ведьмы, передающей подарок одному из личных телохранителей Кардана, безжалостен.

– Может быть, когда-нибудь дорастешь до мудрости своих советников.

– Об этом многие усердно молятся, – покорно соглашается он. – Скажи мне вот что. Дочь твоя совершила путешествие вместе с тобой?

– Она здесь, – говорит ведьма. Из толпы выходит девуш-

ка и низко кланяется Кардану. Она молода, с копной распущенных волос. Как и у матери, конечности у нее до странности длинные и напоминают ветви, но если мать неприятно костлява, то дочь по-своему красива. Может, потому, что ступни у нее больше похожи на человеческие. Хотя, сказать по правде, повернуты назад.

– Из меня получился бы плохой муж, – говорит Кардан, обращая внимание на девушку, которая словно сжимается под его пристальным взглядом. – Но подари мне танец, и я продемонстрирую тебе другие свои таланты.

Смотрю на него с подозрением.

– Идем, – говорит Матушка Мэрроу дочери и, схватив без особой нежности за руку, тащит в толпу. Потом оглядывается на Кардана: – Мы втроем еще встретимся.

– Заметил? Они все стараются женить тебя, – привычно растягивая слова, говорит Локк. Лишь услышав знакомый голос, я обнаруживаю, что он занял освободившееся место Матушки Мэрроу.

Он ухмыляется Кардану и вообще выглядит довольным и собой, и миром.

– Лучше брать наложниц, – продолжает Локк. – Много-много наложниц.

– И это говорит мужчина, который вот-вот женится, – напоминает ему Кардан.

– Ах, оставь! Я, как и Матушка Мэрроу, принес тебе подарок. – Локк делает шаг к возвышению. – Только без скрытых

шипов. – В мою сторону он не смотрит. То ли не видит, то ли я интересую его не более чем какой-нибудь предмет мебели.

Так хочется, чтобы меня это не волновало. Так хочется, чтобы не вспоминалось, как я стояла на вершине самой высокой башни поместья Локка, а его теплое тело прижималось к моему. И чтобы он не использовал меня для проверки чувств моей собственной сестры, а Тарин не позволяла ему этого делать.

«Если бы желания были лошадьми, – говорил мой смертный отец, – то все нищие разъезжали бы верхом»: еще одна поговорка, которая стала понятной только со временем.

– Вот как? – Кардан скорее озадачен, чем заинтригован.

– Я хочу подарить тебе себя – в качестве твоего Магистра Увеселений, – объявляет Локк. – Даруй мне эту должность, и я сделаю своим долгом и обязанностью защищать Верховный Двор Эльфхейма от скуки. И исполнять которые буду с превеликой радостью.

Во дворце столько должностей – слуги и министры, послы и генералы, советники и портные, шуты и мастера загадывать загадки, конюхи, хранители пауков и еще десятки постов, которые и не упомнишь. Мне было неведомо, что существует такая должность, как Магистр Увеселений. Насколько понимаю, он сам ее изобрел только что.

– Я приготовлю тебе такие наслаждения, о которых ты и не мечтал. – Локк заразительно улыбается.

Неприятности он нам приготовит, это уж точно. Неприят-

ности, на которые у меня нет времени.

– Будь осторожен, – говорю я, впервые привлекая к себе внимание Локка. – Уверена, ты не хотел бы оскорбить воображение Верховного Короля.

– Конечно. Я уверен, – двусмысленно замечает Кардан.

Веселая уверенность Локка непоколебима. Он прыгает на возвышение, и телохранители с обеих сторон трона спешат преградить ему путь. Кардан жестом гонит их прочь.

– Если ты сделаешь его Магистром Увеселений… – начинаю я, отчаянно стараясь успеть.

– Ты мною командуешь? – перебивает Кардан, выгибая бровь.

Он понимает, что я не могу сказать «да», потому что Локк наверняка услышит.

– Конечно, нет, – цежу сквозь зубы.

– Хорошо, – говорит Кардан, отводя взгляд. – Я склонен даровать тебе то, что ты просишь, Локк. В последнее время у нас так уныло.

Вижу, как ухмыляется Локк, и закусываю губу, чтобы не выкрикнуть повеление. Хотелось бы увидеть его лицо, когда перед ним обнаружится вся моя власть.

Соблазнительно, но глупо.

– Раньше Граклы, Жаворонки и Соколы соперничали в борьбе за сердце Двора, – говорит Локк, имея в виду фракции, склонные к разгулу и кутежам, искусству или войне. Эти группировки при Элдреде то оказывались в фаворе, то

впадали в немилость. – Но теперь сердце Двора твое, и только твое. Давайте переменим это.

Кардан смотрит на Локка как-то странно, будто впервые осознает, что быть Верховным Королем может быть забавным. Он словно представляет, каково это – править без натянутого поводка, который я держу в руке.

А потом я наконец замечаю по ту сторону тронного возвышения Бомбу, шпионку из Двора теней. Белые волосы ореолом обрамляют ее смуглое лицо. Она подает мне знаки.

Не хочется оставлять Локка наедине с Карданом – мне не нравится их идея насчет развлечений, – но приходится. Спускаюсь по ступенькам и направляюсь к Бомбе. В конце концов, какой смысл противодействовать Локку, когда он так увлечен своим очередным замыслом…

На полпути к тому месту, где стоит Бомба, слышу, как звенит над толпой его голос:

– Мы устроим праздник Охотничьей Луны в Молочном лесу, и Верховный Король задаст такую пирушку, что о ней станут петь барды, это я обещаю.

От ужаса у меня холодеет внутри.

Локк вытаскивает из толпы на возвышение нескольких пикси, и их радужные крылья переливаются в свете свечей. Одна из девушек безудержно хохочет, хватает кубок Кардана и осушает до дна. Жду, что он сейчас набросится на нее, унизит или порвет крылья, но он только улыбается и велит подать еще вина.

Что бы там ни было в запасе у Локка, Кардан, похоже, вовсе не прочь включиться в игру. В Фейриленде за любой коронацией следует целый месяц кутежей; все едят, пьянствуют, отгадывают загадки, устраивают дуэли и так далее. Предполагается, что народ должен плясать от заката до рассвета, пока подошвы не протрутся до дыр. Но после того, как Кардан стал Верховным Королем, большой зал не пустовал ни дня все пять месяцев, рога пенились медом и клеверным вином. Разгул едва пошел на убыль.

Такого юного короля в Эльфхейме не было давно, и придворные заразились безудержным, бесшабашным весельем. Охотничья Луна наступит скоро, даже раньше свадьбы Тарин, и если Локк намерен разжечь огонь кутежей еще сильнее, далеко ли до беды?

Заставляю себя повернуться к Кардану спиной. В конце концов, зачем я стараюсь привлечь его взгляд? Ненависть его настолько велика, что он все равно сумеет ослушаться, вроде бы и не нарушая приказ. В этом он хорош.

Так и хочется сказать, что Кардан меня всегда ненавидел, но в какой-то короткий и странный промежуток времени казалось, что мы понимаем друг друга и, возможно, даже испытываем взаимную симпатию. Этот в целом противоестественный альянс начался с моего кинжала, приставленного к его горлу, и в результате он проникся ко мне таким доверием, что отдался под мою власть.

А я это доверие обманула.

Когда-то он мучил меня, потому что был юн, разочарован, зол и жесток. Теперь, я считаю, у него есть все основания мечтать о мучениях, которым он подвергнет меня по прошествии года и одного дня. Будет очень трудно и дальше держать его под каблуком.

Подхожу к Бомбе, и она сует мне в руку бумагу:

– Еще одна записка Кардану от Балекина. На этот раз послание успело попасть во дворец, прежде чем мы его перехватили.

– Здесь то же самое, что и в первых двух?

Бомба кивает:

– В основном да. Балекин пытается лестью убедить нашего Верховного Короля приехать к нему в тюрьму. Хочет предложить какую-то сделку.

– Уверена, что хочет, – соглашаюсь я и радуюсь, что некогда попала во Двор теней и они до сих пор прикрывают мне спину.

– Что будешь делать? – спрашивает Бомба.

– Собираюсь повидаться с принцем Балекином. Если хочет сделать предложение Верховному Королю, пусть сначала убедит его сенешаля.

Она улыбается уголками губ:

– Я пойду с тобой.

Снова оглядываюсь на тронное место, делаю рукой неопределенный жест.

– Нет. Останься здесь. Постарайся, чтобы Кардан не попал

в неприятности.

– Он сам – неприятность, – напоминает Бомба, слишком, на мой взгляд, легкомысленно бросая тревожные слова.

Направляясь к выходу из зала, замечаю у дальней стены наполовину скрытого тенью Мадока: он наблюдает за мной своими кошачьими глазами. Мадок слишком далеко, чтобы мы могли поговорить, но я и так знаю, что бы он сказал.

«Власть гораздо легче получить, чем удержать».

Глава 2

Балекин заключен в Башню забвения в самой северной части Инсуила, Острова скорби. Инсуил – один из трех островов Эльфхейма, соединенный с Инсмиром и Инсмуром грядами скал и лоскутами земли, населенными только немногочисленными пихтами, серебристыми оленями и редко встречающимися представителями древесного народа. Весь путь от Инсмира до Инсуила можно пройти пешком, если вы не прочь попрыгать с камня на камень, в одиночку прогуляться по Молочному лесу и, возможно, даже промокнуть.

Меня эти удовольствия не прельщают, поэтому решаю ехать верхом.

Я – сенешаль Верховного Короля, и мне доступны королевские конюшни. Наездница из меня никакая, поэтому вы-

бираю покладистую на вид темную лошадку с гривой, заплетенной в косички, вероятно магические. Вывожу ее из стойла; конюх-гоблин несет уздечку с удилами.

Прыгаю на лошадь и направляю ее к Башне забвения. Смотрю, как об утесы разбиваются волны. В воздухе висит туман из мельчайших соленых брызг. Инсуил – непривлекательный остров; обширные пространства его лишены растительности, повсюду только черные камни и природные бассейны, в прилив наполняющиеся водой, да еще башня, пронизанная жилами холодного железа.

Привязываю лошадь к одному из черных металлических колец, торчащих из камней башни. Лошадка нервно ржет, хлещет себя хвостом по крупу. Касаюсь ее морды ладонью в расчете на то, что это немного успокоит животное.

– Я ненадолго, а потом уберемся отсюда, – обещаю лошади, жалея, что не спросила у конюха, как ее зовут.

Стучусь в тяжелую деревянную дверь, нервничая при этом не меньше лошади.

Дверь отворяет большое волосатое существо. На нем прекрасно сработанный пластинчатый доспех, из щелей которого торчат клочья светлой шерсти. Очевидно, что это солдат; они привыкли обращаться со мной уважительно, как с дочерью Мадока, но теперь обращение может измениться на противоположное.

– Я – Джуд Дуарте, сенешаль Верховного Короля, – объявляю ему. – Приехала по делам короны. Впусти меня.

Страж делает шаг в сторону, распахивает дверь, и я попадаю в темную прихожую Башни забвения. Мои смертные глаза медленно и плохо привыкают к недостатку света. В отличие от фейри, я не умею видеть в почти полной темноте. Здесь еще по крайней мере три стража, но мне удается различить только их смутные очертания.

– Полагаю, ты пришла повидаться с принцем Балекином, – раздается голос за спиной.

Ужасное чувство, когда с тобой разговаривает кто-то невидимый, но я, собравшись с духом, киваю.

– Отведите меня к нему.

– Вулсибер, – произносит голос, – отведи ее.

В Башню забвения заточают тех из Воздушного народа, кого монарх хочет вычеркнуть из памяти Двора, поэтому она так называется. Большую часть преступников наказывают замысловатыми проклятиями, трудновыполнимыми заданиями или другими формами прихотливого правосудия фейри. Чтобы попасть сюда, надо по-настоящему насолить какой-нибудь важной персоне.

Стражники в основном набираются из солдат, которым это унылое и уединенное место подходит по темпераменту; попадают сюда и те, которых командиры решили приучить к смирению. К какой группе относятся эти сливающиеся с темнотой фигуры, определить невозможно.

Вулсибер подходит ко мне, и я узнаю в нем солдата, открывшего дверь. На вид, судя по тяжелым надбровным ду-

гам и длинным рукам, он наполовину тролль.

– Веди, – приказываю я.

Страж отвечает мне суровым взглядом. Не знаю, что во мне троллю не нравится – моя смертность, положение или то, что я вторгаюсь вечером. Я не спрашиваю. Просто следую за ним по каменным ступеням вниз, в сырую, пахнущую минералами темноту. Воздух пропитан невыносимой вонью – смесью запахов подземелья, гнили и каких-то грибов.

Темнота становится непроглядной, и я останавливаюсь, боясь споткнуться.

– Зажги лампу.

Вулсибер придвигается поближе, дышит мне в лицо, и я чувствую запах мокрой листвы.

– А если не зажгу?

В руке у меня оказывается тонкий кинжал, выскользнувший из ножен в рукаве. Вдавливаю острие в его бок, под ребра.

– Тебе лучше не знать, что тогда будет.

– Но ты же не видишь, – возражает он, чувствуя себя посрамленным из-за того, что я не очень-то напугана.

– Может, я люблю, когда света чуть больше, – спокойно говорю я, хотя сердце бешено колотится, а ладони начинают потеть. Если предстоит схватка на лестнице, лучше ударить быстро и наверняка, потому что второй возможности не представится.

Вулсибер отодвигается от меня и моего кинжала. Слышу

его тяжелые шаги по ступеням и прикидываю, как мне спускаться вслепую. Но потом загорается факел, отбрасывающий зеленый свет.

– Ну? – бросает тролль. – Ты идешь?

Лестница минует несколько камер – некоторые пусты, в других заключенные сидят достаточно далеко от решеток, и факел не освещает их. Рассмотреть удается только последнего. На черных волосах принца Балекина лежит венец – свидетельство его королевского происхождения. Он в заточении, но отнюдь не выглядит расстроенным. Сырые камни пола покрыты тремя коврами. Он сидит в резном кресле и смотрит на меня из-под нависших бровей яркими, как у филина, глазами. На изящном столике высится золотой самовар. Балекин поворачивает краник, и хрупкая фарфоровая чашка наполняется ароматным дымящимся чаем. Запах напоминает мне морские водоросли.

Но как бы элегантно Балекин ни выглядел, он все же в Башне забвения, а над его головой на стене прилепилось несколько мотыльков, горящих алым светом. Когда принц пролил кровь старого короля, капли ее превратились в мотыльков, которые на несколько потрясающих мгновений взмыли в воздух, а потом вроде бы умерли. Я думала, они все пропали, но, похоже, некоторые следуют за ним до сих пор, напоминая о грехах.

– Наша леди Джуд из Двора теней, – произносит принц, словно пытаясь очаровать меня. – Могу я предложить тебе

чашечку чая?

В одной из соседних камер происходит какое-то движение. Представляю, как в мое отсутствие здесь проходят чаепития.

Мне не нравится, что принцу известно о Дворе теней и моей причастности к нему, но я не сильно удивлена – принц Дайн, наш наниматель и руководитель нашей шпионской группы, был братом Балекина. И если Балекин знал о Дворе теней, то, возможно, разузнал и о том, что один из нас украл Кровавую корону и передал в руки моего брата, чтобы тот возложил ее на голову Кардана.

У Балекина есть все основания не особо радоваться моему визиту.

– К сожалению, от чая должна отказаться, – отвечаю я. – Надолго не задержусь. Вы отправили Верховному Королю кое-какую корреспонденцию. Что-нибудь насчет соглашения? Или сделок? Я здесь для того, чтобы от его имени выслушать все, что вы пожелаете сказать.

Улыбка его становится кривой, а потом просто безобразной.

– Думаешь, превратила меня в ничтожество? – говорит он. – Но я, даже находясь здесь, остаюсь принцем Фейриленда. Вулсибер, не мог бы ты придержать сенешаля моего братца и врезать по ее хорошенькому личику?

Следует удар открытой ладонью, более быстрый, чем я ожидала; звук пощечины ошеломляюще звонок. Лицо прон-

зает болью, и я прихожу в ярость.

В правую руку снова прыгает кинжал, такой же оказывается и в левой.

На роже у Вулсибера появляется азартная ухмылка.

Гордость велит сражаться, но он крупнее меня, и место троллю знакомо. Это будет не просто учебный бой. И все же желание превзойти его, стереть самодовольное выражение с наглой физиономии переполняет меня.

Почти переполняет. «Гордость для рыцарей, – напоминаю себе, – а не для шпионов».

– По хорошенькому личику, – выговариваю я, медленно пряча кинжалы. Касаюсь пальцами щеки. Вулсибер ударил достаточно сильно, и мои собственные зубы поранили щеку изнутри. Сплевываю кровь на каменный пол. – Вы мне льстите. С короной я обвела вас вокруг пальца, поэтому считаю, что вы имеете право на сильные эмоции. Особенно если они сопровождаются комплиментом. Только не испытывайте мое терпение еще раз.

Вулсибер внезапно теряет всю свою уверенность.

Балекин отхлебывает из чашки.

– Ты говоришь очень дерзко, смертная девочка.

– Почему бы и нет? – спрашиваю я. – Говорю от имени Верховного Короля. Думаете, ему интересно отрываться от удовольствий и тащиться сюда из дворца, чтобы пообщаться с братом, от руки которого он принял страдания?

Принц Балекин наклоняется в своем кресле:

– Любопытно, что это ты имеешь в виду.

– А мне любопытно, какое сообщение вы хотели бы передать Верховному Королю.

Балекин рассматривает меня. Без сомнения, одна щека у меня горит. Он делает еще глоток чая.

– Я слышал о смертных, что для них чувство влюбленности сродни чувству страха. Твое сердце бьется быстрее. Ощущения обостряются. Голова кружится, как у пьяного. – Он смотрит мне в глаза. – Это так? Это многое объяснило бы про таких, как ты, если возможно спутать два столь разных чувства.

– Никогда не влюблялась, – возражаю я, стараясь, чтобы голос не хрипел.

– И опять же, ты умеешь лгать, – продолжает Балекин. – Понимаю, Кардан счел это полезным. И Дайна тоже понимаю. С его стороны было умно включить тебя в эту маленькую банду неудачников. И очень умно – догадаться, что Мадок тебя в любом случае пощадит. Что бы ты ни говорила о моем брате, но сентиментальностью он не страдал. Я со своей стороны о тебе почти не думал, а если и вспоминал, то лишь в связи с тем, как с твоей помощью подстрекать Кардана. Но у тебя оказалось то, чего никогда не было у моего брата, – амбиции. Если бы я это вовремя понял, то носил бы сейчас корону. Но, думаю, ты меня тоже недооцениваешь.

– Вот как? – Эти слова мне отчаянно не нравятся.

– Я не отправлю с тобой послание Кардану. Оно дойдет

другим путем, и дойдет очень скоро.

– Значит, вы тратите свое и мое время, – говорю я сердито.

Проделала такой путь, перенесла пощечину, испугалась – и все зря.

– Ах, время, – тянет он. – Только тебе, смертная, есть до него дело. – Принц кивает Вулсиберу: – Можешь увести ее.

– Идем, – рычит страж, невежливо подталкивая меня к ступенькам. Начиная подъем, оглядываюсь на Балекина; лицо его кажется суровым в зеленом свете факела. Он так сильно похож на Кардана, что мне становится тревожно.

Мы уже на полпути вверх, когда сквозь решетку протягивается рука с длинными пальцами и хватает меня за лодыжку. Испугавшись, я поскальзываюсь и растягиваюсь на ступеньках, исцарапав ладони и ударившись коленками. Старая рана в левой ладони начинает пульсировать. Едва удерживаюсь, чтобы не покатиться по каменным ступеням вниз.

Прямо перед собой вижу худое лицо женщины-фейри. Хвост ее обвивается вокруг прутьев решетки. Короткие рожки загибаются ото лба к темени.

– Я знавала твою Еву, – говорит она, и глаза мерцают во мраке. – Знавала твою мать. И многие из ее маленьких секретов.

Вскакиваю на ноги и что есть духу бросаюсь по ступенькам вверх; сердце рвется из груди, и я едва успеваю сбавить ход, чтобы в темноте не налететь на Вулсибера. Судорожно хватаю ртом воздух: дыхание сбилось и легкие начинают сто-

нать.

На верху лестницы останавливаюсь и кладу израненные ладони на грудь, стараясь прийти в себя.

– О, совсем забыла, – говорю Вулсиберу, когда дыхание немного успокаивается. – Верховный Король передал мне свиток с распоряжениями. Там некоторые изменения относительно условий обращения с его братом. Свиток снаружи, в седельной сумке. Если можешь проводить меня…

Вулсибер вопросительно смотрит на стража, который отправил его со мною к Балекину.

– Только быстро, – изрекает фигура, больше похожая на тень.

И Вулсибер сопровождает меня через дверь, ведущую из Башни забвения. Залитые лунным светом черные камни сверкают от покрывающих их поверхность брызг и отложений соли, словно засахаренные фрукты. Пытаюсь сосредоточить внимание на стражнике, а не на имени матери, которое не слышала столько лет, что не сразу поняла, почему оно так важно для меня.

Ева.

– У этой лошади только уздечка да удила, – говорит Вулсибер, хмуро разглядывая животное, привязанное у стены. – А ты сказала…

Вонзаю ему в руку булавку, спрятанную в ткани камзола.

– Я солгала.

Требуется усилие, чтобы подтащить его и перекинуть че-

рез спину лошади. Она обучена военным командам, умеет становиться на колени, и это помогает. Стараюсь действовать как можно быстрее из опасения, что еще один стражник придет проверить, как у нас дела, но мне везет. Никто не появился, а мы уже верхом и едем.

Еще одна причина ездить, а не ходить в Инсуил: никогда не знаешь, что потребуется оттуда забрать.

Глава 3

– Ты руководитель шпионской сети, – говорит Таракан, оглядывая меня и пленника. – Значит, должна быть проницательной. Рассчитывать только на себя – верный способ попасться. В следующий раз возьми одного из королевских телохранителей. Возьми одного из нас. Возьми кучу спрайтов или пьяного сприггана. Только возьми хоть кого-нибудь.

– Прикрывать мне спину – замечательная возможность всадить в нее нож, – замечаю я.

– Говоришь прямо как Мадок, – отвечает Таракан, недовольно шмыгая длинным изогнутым носом. Он сидит за деревянным столом в нашем логове при Дворе теней, спрятанном в глубоких туннелях под дворцом Эльфхейма. Занят тем, что обжигает наконечники арбалетных стрел, а потом

щедро покрывает их дегтем. – Если не доверяешь нам, так и скажи. Мы заключили одно соглашение, можем заключить другое.

– Я не это имела в виду. – Опускаю голову на руки и задумываюсь. Я им доверяю. Если бы не доверяла, не говорила бы так, а здесь просто не удержалась и выплеснула раздражение.

Сижу напротив Таракана, ем сыр, хлеб с маслом и яблоки. Ем первый раз за день, и желудок голодно урчит. Еще одно напоминание о том, что тело у меня не такое, как у них. У фейри в животе не урчит.

Может, я из-за голода такая сварливая? Щека горит, и хотя я перевернула ситуацию с ног на голову, это последнее, в чем мне хотелось бы признаться. Плюс ко всему я так и не узнала, что Балекин хотел сказать Кардану.

Чем сильнее усталость, тем больше я совершаю промахов и допускаю ошибок. Нас подводит человеческое тело. Оно испытывает голод, болеет и изнашивается. Но у меня столько дел, что просто нет времени обращать внимание на слабости.

Рядом с нами сидит Вулсибер, опутанный веревками и с завязанными глазами.

– Хочешь сыру? – спрашиваю у него. Стражник отрицательно рычит и настороженно шевелится в путах. Он очнулся несколько минут назад и чем дальше, тем больше беспокоится, что мы не заговариваем с ним.

– Что я здесь делаю? – наконец выкрикивает он и начина-

ет раскачивать стул взад и вперед. – Развяжите меня! – Стул опрокидывается, Вулсибер ударяется о землю и лежит на боку. Потом начинает рваться из веревок уже по-настоящему.

Таракан пожимает плечами, встает и стаскивает повязку с его глаз.

– Приветствую! – произносит он.

На другом конце комнаты Бомба чистит ногти длинным серповидным ножом. Призрак сидит в углу так тихо, что кажется, его здесь и нет вовсе. За происходящим с интересом наблюдают несколько новых рекрутов – паренек с воробьиными крылышками, трое спригганов и девушка из слуагов. Я не привыкла к такой аудитории.

Вулсибер не отрываясь смотрит на Таракана, на его зеленую, как у всех гоблинов, кожу и глаза, горящие оранжевым светом, на длинный нос и одинокий клок волос на голове. Потом оглядывает помещение.

– Верховный Король такого не позволил бы, – говорит Вулсибер.

Я грустно улыбаюсь ему:

– Верховный Король ничего не знает, и ты вряд ли расскажешь ему, когда я вырежу тебе язык.

Вижу, как в нем поднимается страх, и испытываю почти чувственное наслаждение. Мне, плохо знавшей, что такое власть, нужно быть осторожной в отношении этого чувства. Власть ударяет в голову слишком быстро, словно фейрийское вино.

– Дай угадаю, – говорю я, поворачиваясь на стуле в его сторону и стараясь смотреть холодным взглядом. – Ты думал, что можешь ударить меня и никаких последствий не будет.

При этих словах он слегка ежится.

– Чего ты хочешь?

– А кто сказал, что я хочу чего-то особенного? – спрашиваю я в ответ. – Может, всего лишь маленькой мести.

Таракан вытаскивает из-за пояса клинок самого жуткого вида, держит его над Вулсибером, словно мы заранее обо всем договорились, и смотрит на стражника со зловещей улыбкой. Бомба поднимает взгляд от ногтей и наблюдает за Тараканом, кривя губы в ухмылке:

– Кажется, представление вот-вот начнется.

Вулсибер сражается с веревками, мотает головой туда-сюда. Слышно, как трещит стул, но вырваться не удается. После нескольких тяжелых вздохов тело его обмякает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.